

– тонкие линии –
выпуск восьмой

Александра Шевченко

Зимующи

Днепр
Герда | 2021

УДК 82-1

ШЗ7

Александра Шевченко родилась 23 мая 1986 года в Киеве. Жила подолгу в Киеве и Казани, сейчас живет в Харькове. Закончила биологический факультет КНУ имени Тараса Шевченко, полгода была помощником энтомолога районной санстанции, десять лет акарологом, после чего переехала в Харьков и начала работать криобиологом. Автор поэтических книг «Лаванда и розмарин» (2011, в соавторстве с Анной Осадко) и «Штрих» (2019). Публиковалась в журнале «Воздух» и ежемесячнике «Листок», в сетевых проектах «ЛИТЦЕНТР», «Полутона», «Солонеба», «Артикуляция», «Сетевая словесность» и др.

ISBN 978-617-7639-67-0

© Шевченко О., 2021

*Created for black sleep. Or growing
Conscious of the sun's red spot occasionally,
Then dreaming it is the foetus of God.*

Ted Hughes

I

текст —
узкая на запах
грунтовка в мокром вересковые
от горизонта до переплета

(вести тебя дворовым
пыреем,
по росам
из пятен и пят скорлуп,
дроздовьих-синих
и голубиных
на пыреях и мальках осин
дышать с тобой
луговым старьем)

qwerty ласкает глаголы,
кормить, длить, дискриминировать и т.д.
(а, например, действие —
разбросанное слово).
плавная, плавная дидактика,
невысокое слово
ярость

II

грязь: когда становишься ей,
обувь изобретается для мертвых,
зыбь и магма изобретаются мертвыми
как маленькие вещи,
сахар и паровозик.

мертвые: когда становишься ими,

(кто те люди,
отдавшие для впл
стиранные, но ношенные
ношенные, но стиранные
кружевные трусы
или штаны от гидрокостюма,
что известно о них.
добры, они добры, они добры)

тогда, мой друг, в озерах не яды крашены, а соль.
озера древнее горечи,
они внутри лежат и сочетают
основы с углекислотой.
дыхание, ты праздник кровь о кровь.
те тайные ты замечаешь вещи, и другое.
во мне живет созвучие озер,
дыхание, ты их прибрежный праздник

(закат ранней зимой
минированный вокзал
выгородил спереди
предминированную пустоту

рядом стоят
как по уши в реке
над оградой над водой под носом)
способность горевать износилась,
фартучек, а не способность, скажем прямо,
фартук мясника:
влагай персты,
не бойся, рана прямо передо мною,
перед тобой.
а когда развяжутся мои ленты,
холодно тебе будет, будешь рвать замерзшее мясо.
зачем, зачем ты мнешь меня,
еще рано

(пора
но моя вогондя ель
из клена
в отщелбаненный дождь)

я провел черную прерывистую кривую.
она была о любви.

Когда подвалы были пустыми

Саше

несколько раз пыталась написать о подвалах.
район не самый старый, далеко от большой реки.
дважды в год сюжет благоустройства,
между тем мы ходили на отдельные вызовы

март

пятиминутка. пять лет указу,
имеющему силу только на русском, английском, френче
и дойче,
теперь и нам его прислали:
"что делать в случае инфекций международной опасности"

дважды темно без снега.
канализация, рамка управления, хомут текут,
трубы гор. и хол. вод текут.
дохлая кошка, поле для настольного хоккея

дверь висит на петлях,
сверху прибита вывеска парикмахерской "фея".
дырку прикрывает

апрель

ходим от дома к дому, призраками и псами,
присваивая каждое здание,
не имея на это права

слесари рассказывают про жильцов
у которых вообще нет мусорных ведер,
и весь джаз кидается в унитаз.
спаси и помилуй их слесарные руки

пятиминутка. история о человеке,
закрывшем кота в погребе на неделю,
после чего кот озверел и укусил его за бедро;
человек зарубил кота и принес врачам его голову,
и не заболел бешенством.
а молодая мама прогнала собаку, спасла ребенка,
села зашить штаны перед стиркой, иголка скользнула,
умерла через год

техмастер дома, женщина, того же месячного стажа,
идет рядом и рассказывает о шестилетней дочери
и постепенном разочаровании в работе,
и вы шутите об увольнении под колесами на перекрестке

твоя коллега живет в общежитии (у нее тоже шестилетняя дочь),
и отвечает за кусавших собак и прочих возможно бешеных,
и танцует в противочумном костюме на праздниках

не в состоянии произнести слово "дератизация",
он выдумывает нечто ужасное,
в конце переходя на миши-миши-крысы

мастер дома радуется этой решетке на подвальное окно
как подарку судьбы.

почему-то женщины-мастера домов заговаривают о семье,
и все говорят — у меня есть сын/дочь
(и никто не договаривает — муж)

май

львовна строит наш женский коллектив.
— вот вышла ты из метро,
идешь, идешь, там всякие выходы, киоски...
сидя в халате, производит
разгребающие движения руками,
средние между плаванием по-собачьи
и пассами гипнотизера, — доходишь до вилки, —
строго смотрит вперед

женатому слесарю дали двухкомнатную.
он и навалил в подвале запчастей.
однако жена его бросила, он повесился
и квартира перешла его отцу.
и тот пригласил квартирантов.
с этого момента техмастер начинает эмоционировать,
так как их картошка стала гнить среди запчастей

июнь

история о мальчиках с купленными справками.
чесотка — болезнь бедных.

предки берут справку о гриппе, сдают еще заразных деток
в детский сад

праздник.

компот из базилика и другие напитки.
коллектив матерей и бабушек,
сплоченный, хоть топор вешай

июль

по туберкулезу у нас
дама с седыми апельсиновыми волосами,
у нее два сына — спившийся афганец
и болеющий раком младший,
и последствия менингоэнцефалита.
(был мальчик в помощь, испугался коха и сбежал)

сегодня отправляла в горСЭС скан ее письма,
подписанного главврачом:
коллектив ... райСЭС обращается
о сборе денег
на лечение ее младшего сына.
она заглянула чуть позже, сказала, сгибая ладонь,
как бы гладила кошку:
я вам конфеток положила на компьютере

озеро, выше тропинки по берегу ресторан,
рядом бонификатор.
— ой, я думала, вы посolidнее будете.
ну, вы их стряхивайте, когда насядут.
— не убирают, вон решетка забилась,
кто купаться запрещал, почему вы ничего не делаете,
а там туалеты антисанитарные
(дуэтом) — туда одни голубые ходят.
на пляже, значит, чисто потому что на пляж они не ходят,
ну и бетонные тубы для мусора
бомжи за водку приволокли с транспортных остановок

новый главврач СЭС вся страны
довел до пули в лоб
какого-то главврача;
закрывает отделы, если фасад дома ему не показался
(мы сидим над ментовкой, ничего не поделаешь);
требуется актов о проделанной работе,
может завтра приехать

почти декаду назад
в отдел легко попадали с улицы неприятные личности,
пытаясь обокрасть.
но красть было нечего
(один так и заснул, придумывая).
один проник и забрал сумочку,
вырвал телефонный аппарат и укутал в шторы.

петровна, увидев его, начала бранить:
прачечная не здесь! а за углом!
он выронил узел и побег.
она продолжила: чего это вы тут вещи разбрасываете!
а ну забирай!

он вернулся; поднимает — выпал телефон.
и сотрудницы задержали его до прихода милиции

милиция нашла у него нож,
тогда сторожившая его доктор упала в обморок

на пятиминутке история об умершем от бешенства
(не в нашем городе),
потому что собаку никто толком не проверил.
его родственники поили с ложечки,
попьют и ему дадут,
внучки с ним ложились спать,
сейчас звонят, беспокоятся,
а что им теперь делать,
а им не передалось

август

пришло экстренное.
68-летняя санитарка детдома-интерната
заболела боррелиозом

выхожу с флагом за клещами.
проходящая принимает за волонтера, так обидно,
когда в тебе видят хорошее — а в тебе что-то другое. но твое.
завмед обещает покосить:
завтра прокуратура с проверкой
после случая в нежине, где умерло четыре кретина.
наш же интернат для мальчиков-имбецилов.
— как же так, говорит завмед.
— интернат не виноват, что у детей
происходит декомпрессия в такую жару.
по закону их нельзя реанимировать, их никто не кладет.
"умирают в срок, отведенный им природой"

отличный интернат, говорит завмед, но у кретинов
пониженная сопротивляемость иммунной системы,
и стоит кому-то пальчиком проверить наличие анального
отверстия,

а потом сунуть пальчик в рот —
что у нас получится?
мальчик ждет меня в коридоре с букетиком.
завмед говорит: — у вас, наверное,
тяжелая работа, да?
ее муж рядом заведует стационаром для женщин
с шизофренией.
— да, привозите, если хотите, книги, на самокрутки пойдут

октябрь

с уходом овощей-фруктов
перестанет стоять жидкость в мусоросборниках,
сейчас там ужас

на пятиминутке о 80-летней старушке, упавшей лицом оземь.
у нее случился столбняк лицевых мышц
(действовала прививка прошлых лет).
подозревали сломанную челюсть.
умерла от сердечной недостаточности

требуется с нас данных
про всех школьников района,
особенно 13–15 лет, срочно —
для проведения воспитательных бесед о вреде курения

порой гаснет милый, с голову, фонарь,
или стоишь, невысокая,
на темной дюне, прикрытой строймусором,
и на уровне плеч радиусами тянется
из зарешеченных окошечек свет

и там нет кафедральных преподавателей,
отводящих первую пару под анекдоты

а дворничиха стоит семнадцатый год
на квартучете.
а сантехник хотел, чтобы в следующий раз ты накрасилась.

он перешел дорогу, вытянул руку памятником ильичу,
он сказал: это реальная жизнь (и да, это была она)

и горячая вода пахла темнотой
потому что там больше нечему было пахнуть.
и одиноко белел брошенный матрас бомжа,
представляя пожароопасность

и все мусорные войны дворников с бонификаторами,
чья задача — обеспечить хорошее состояние водоемов
и прилегающей территории,
и пустой журнал комиссии
по борьбе с пьянством и алкоголизмом были
мои

а если по колено провалиться
или ходить в кожаной кепке и с фонарем,
или читать на подоконнике незабвенную —
вообще никаких проблем.
только ничем никому не поможешь

Таннины

*Drinking the sea and eating the rock
A tree struggles to make leaves —
An old woman fallen from space
Unprepared for these conditions.
She hangs on, because her mind's gone completely.*

Ted Hughes

нечего написать тебе о любви,
когда острейшая радость — не касания, не кто-то,
а молекулярка цитология гистохимия популяционка —
и все это можно сделать, реально сделать.
здесь два мужика, нежно восстанавливающие историю
насаждений:
один лабораторщик, второй полевик.
объект исследований тихий, мертвопокровный
и вроде бы горьких корней.
но как детский холодок, вечный ребяческий сквозняк
единственное небезжизненное состояние комнат,
ты бы тоже разложил свет
на спектры,
обеспокоил среды разведенным экстрактом,
лежал на верхней, прислушиваясь
как женатая пара судмедэксперт и патанатом
уговаривали попутчика не расплытаться,
не душить оппонента восемнадцатиграммовой цепочкой,
рвущейся в неподходящий момент.

лабораторщик:

виноградаарфа.
нет, нет такого слова.
нет, есть оно у нелепого
и ослепленного прозрачностью

прозра оторвется одна,
потом вторая,
разорвется гроздь прозр
на щербатой тарелке на скатерти в белку,
счастья-то до не дыша

дыш, дыш, подойди, шурша,
вот, возьми человечесье телко,
я виноградину им оброс.
хороша?
да.
она хороша.

полевик:

со скребущей земли вдоль разыгленной льдом нежно нежно
и фарфоровых стран перетоптанных детских площадок
нежно
нежно
с разлюбивших открыток стремящихся дальше
и с фотографий конечно конечно

мы исчезнем смотреть на повторение цвета
сквозь весеннюю неуязвимость
падая животы растворяя

цитатливость границ строк
иная
от языка к языку

нет
не буду думать об этом

еще не подметенные
голуби первого января

лежат щечкой вниз
слушают что-то

как им разрешили быть
очень друг на друга похожими

Ботанический сад

отражение света в окне через улицу —
оранжевая точечная околплодная канва абрикоса;
мы, здесь, часть его мякоти,
отрезанной дорогой.
под одеялом выпотрошенной земляники
грибной ветер,
пока мы идет к нам с работы.
сухарик, браслет из ивового прута.
ветер-конвейер
налистывает окно
цикорий яснее невысоко,
голубое небо прижалось напротив,
и пыль света, и земля плодородна камнем и
битым синим стеклом.
а сизое небо сухое,
пуховое небо из детства,
того непреложного города, где ты, конечно, был счастлив
много лет,
потому что память опять отсекает вокзал, пересадочную
станцию, пирожки с картошкой, полчаса передышки.
полдня в электричке,
в кошачьем комке из песка, рельсов, нитяного солнца,
пивного дымка полустанков.
вечерницы и ночницы у лица твоего,
у мышечной изнанки,
и идет отчаяние,

и впускает корни
эта
эта неясная боль
близости

совершенно не важно кому ты докажешь, что любишь
эти кубики-яшминки трещины в детском мяче,
обожженную тряпку в углу, девяностых изаур
невезучее чудищ, известных по сказкам еще низачем.

совершенно не важно к кому постучишься изнанкой,
вот мой дом, говоря, вот мой пес, вот мой дым над водой,
что там подняли на головне, отрывая от жидких,
отнесли и узнали. помилуй их ниткой витой.

а покоя, а только покоя, немного покоя
отлони от любви, о которой не важно кому
говорить, потому что любовь это детство, а значит

ни к чему не пригодна, совсем ни к чему не пригодна.
нарисуй мне хотя бы какого барашка и ящик,
целый ящик ему одному.

откинула на дуршлаг
мелкую изжелта-красную землянику,
зернистую, усатую,
собранную сегодня в мессенджере.
эта чтобы лучше слышать, эта чтобы лучше видеть,
эта чтобы закрыть окно.

Процент заповедности

I

выхожу на улицу,
а там кого-то не стало.
pulsatilla spp., сны и прострелы (одно и то же).
galanthus spp.
весны из грязного картона,
на котором мы топчем их
конфискованные стебли.

эфемероиды появляются первыми,
поэтому и пиздят их во имя весны и размножения.
против того есть Красная книга
и, как метод борьбы с браконьерством, рейды на продавцов.

цикламены, левкои, подснежники, пролески, рябчики, рясты.
ландыши вот жалеют, хоть и рвут сумками.
все живое.
так, плауны конфискуют прискорбно, у кладбищ,
стенкой выходя на стенку продавцов
пушистых, натуральных, долго не выцветающих венков.

а если не скорбь, а ярость?
м.м. при советах сидел за листовки в защиту языка,
вышел и стал за будущий нацпарк.
одни из первых в нашем городе экологических демонстраций

были за этот проект
и состояли частично из кгб
(но от переодетого кгб массовость только выигрывала).

позже он вытащил из лесу химический институт,
и даже коробку их здания разобрала какая-то фирма.
когда он допишет воспоминания,
болота восстанут из мертвых
и реки пойдут, как им хочется.

или вот старший рейда, соколик: четырнадцатый год, февраль,
на рынке в конце крещатика изымаем подснежники.
в ответ они обещают рейдовикам суд за клевету,
маленький, личный позорчик с оттенком
«а сын маминой подруги
такой хернёй в центре киева тогда не страдал».
и соколик же позже повел нациков
убрать ромский табор из все того же нацпарка.
соколик собрал тысячу репостов перед погромом.

типичная мишень для стрельбы дробью —
аншлаг заповедного объекта.

II

кровью написаны все учебники,
ради которых кто-либо выходил в поле.
что мы узнаем в поле?
материал. качество карандаша.
цвет полевого дневника в траве.
коллег. работу в одиночку. погодную воду.
рецепты местных наливок. следы собак.
чьи-то следы. внезапные новости.
особенности обуви. удачу.
обстановку по бешенству. кофе в полночь.
вышки охотников. координаты.
легенды и мифы об экспедициях прошлого:
обжегся спиртом, врачам сказали — паяльником;
нашли замученной жену геолога-разведчика;
парня не дорезали, раз уже без толку:
все равно уполз недобитый коллега;
о тонкой доске через большую яму —
с нее было непросто срать и трезвому,
тактичному человеку.
лучше узнаем написанное кровью:
тб, пдд, оба кодекса, брыжейки жерлянки.

читать стихи
как случайно оказаться в церкви
и смотреть на чужие задравные свечи —
отложенное участие, прямой отсвет чьего-то тепла.
не задравные? а где?
читать стихи
как случайно оказаться в церкви,
смотреть на чужие свечи.

III

злаки бледные у дороги:
встань

, встань

, встань

, встань

, встань

, встань

держусь за сваренные фигуры.

перемешиваю свой вес

на повороте.

держусь за стихийный рынок.

в палате роддома
куда рожениц не завезли,
а есть вычистки, удаления и аборты,
важно уснуть.
проснешься мимоходом,
а речь идет о клептомане,
никак не съедет после развода.
проснешься мимоходом,
о профилактике после шестидесяти.
проснешься мимоходом,
о незрелой молодежи,
не ценящей будущую жизнь.
засыпаешь, а речь идет
о замершей беременности,
попытках и смене врачей,
и только важно уснуть
и, отходя в свою очередь от наркоза,
ничем себя не выдать,
не сказать случайно.

о радиорынок,
чудны дороги твои,
лампы в твоих коробах старорежимны и опоясаны ртутью,
велики твои мастера, карманники и запасы мела,
о радиорынок,
внезапны твои шахматные столики
под плетением проводов и грязью всесторонней,
и внезапна мелочь диодов, и у двери куст зеленых
в октябре помидоров,
о радиорынок,
ты же сам разобрал минотавра на цанги и цоколи,
о радиорынок, я вижу
парус и тварные кудри, и руки в черных пятнах,
и моток красного провода на локте,
и ты уже не щадишь меня,
не щадишь.

жалела, что ты не вместо меня
перед парковым сердцем,
на которое почти
не вешают замочков.
местные браки регистрируются
в другом городе.

ты говоришь политика:
идентичность феминизм свобода
тело любовь

я говорю политика:
красная книга зеленая энергетика
процент заповедности

ты говоришь политика:
верлибр дорвеи стрит-арт

я говорю политика:
медведь лось фотография с обезьянкой

ты говоришь политика:
кто ты

я говорю политика:
праздновать открытие охоты
там где охота запрещена

II

за окном пустота
под окном детская площадка и абрикосы
но гарь забивает их запах

весь дом ищет внутренние сады
лекции караоке лепка из пластилина
покрикивания залежавшихся мужчин
(может быть караоке)

не хватает внутреннего огорода
корней червей естествоиспытаний
неблагополучия по аскаридозам
желтеющих околоплодников
и несъедобных земляник
и вечерних баклажан грядок

алюминий неба поставлен
на выгорающий лес —

неорганика, учебник
старых задач, просоливших страницы,
перепончатая латиница промежутков,
латиница элементов,
тонкая угловатость вводных,
хлебное качество внимания.

в конце рассказчик заметил,
что на его месте мог оказаться любой:
одно
было старой ветвью между ними,
другое
пеплом под кустиком медуницы,
а когда выключал будильник —
где-то обнимала подушку.
только он, случайный прохожий,
мог сказать, что вишня, да, настоящая,
мог стряхнуть сигарету без лишних вопросов.

Эвектика

*The sea cries with its meaningless voice
Treating alike its dead and its living,
Probably bored with the appearance of heaven
After so many millions of nights without sleep,
Without purpose, without self-deception.*

Ted Hughes

1.

изоляция медной проволоки, мутный изогнутый рыбий мех,
я забралась бы в тебя и уснула,
осторожным газом пробежала бы по твоим недостаткам.

помнишь —

я готова провести с тобой ночь в полиции, но не за
избиение в метро;

рвань хитина облапило нас и сохранило от всякого зла
под бликом на седьмую зрачка;
броненосец, я забралась бы в тебя и уснула —

не водолазом сердца твоего, но рыцарем твоих плит,
каждой разрисованной кирпичами плиты,
обнимая пред тобой песчинки, помнишь —
я надел парашют, нет, люблю тебя; сомкнись, сплоти меня.

мерзлая, битая лужа,
осколки гравия, утеkanie вглубь,
асфальтовые обузья в сложных отношениях с холодом;

родакариды в развалах водорослей на берегу,
неизвестно, надолго ли живущие вместе,
хватаящиеся за норки и щели,
смываемые, сменяемые волной;
тишина в сердце моем стиснута в коготках
как отлетающие искры;

за окном голова человека в очечной проволоке
и плакат пловца с круглыми лезвиями подмышек,
и кто-нибудь с окровавленными викарными ноздрями,
и взявшиеся за руки, и подбирается прилив.

свет предпещерный, дальний, греется о траву.
под кожей бьется фольга

скопа обнимает брызги в слепок января;
голая шея воды на холодном закате
растворяется как музейный билет в новоприбывшем.
выпрями спину, пришедший за расстановкой света,
эха и линий.

вместе они — чучело серебра, подстреленное метаморфом
и выскобленное в пространство, как иногда женщина
или зима и монархи залива Монтерей.

ветвись, история, в гулкий суп; изгони ностальгию,
но впусти остроту слабого ветра над загорающим укурком;
твои морские львы, твой стамбульский водитель пробиты
в билете когтями.

и вот они обходят вниманием, образуя берег;
изменчив и склонен к обвалам наш островной край:
вон растворяется история о женском гормоне трихополе;
там осыпалась дружба N, здесь выползок ее срыва; в песке
грушеполостная лужа утренней болтовни;

что изгибает меня, прямоходящую на площади,
должно быть остротой предисловия, безударным
куском колокола;
небным опрокинутым озером, пройденным со слепой
верой на вкус;
молчание придерживает за шею на внутреннем берегу,
готовая к оврагу и чужой тропе, где нити расстались хвоей,
где дым.

дым орвано гнездами муравьев.

2.

мелькания бы огней

в этом году

мы почти не используем

боковое зрение

день.
ребенок копает песок,
летающий полуденной тесьмой.
когда он удивляется, так приподнимаются его брови.

ночью
я живое собрание, ива,
насыщенное решительными лицами и шрифтом.
я могу свить их плеяды кремния и кислорода
и до половодья лелеять в густых мычащих мхах на коре.

просыпаешься ночью,
мятный янтарь потери.

3.

угрюмые, темно-рыжие березы,
запахи бульонов и дров,
лед у высоких заборов.
закатился во двор,
под воронами серебрится тополь.
такой здесь жемчуг, такие в нем тени.

а недавно он вышел на работу.
дерн без льда, окна наливные, линные,
что-то, на что в чужом городе смотрят с любовью,
как на руку, над которой задержалась первая лимонница;
смеркается в яблоке недзвецкого, и он падает навзничь,
перед ним сахарятся окрестности зерен,
пушинки зимородков, ваза пара завода
и трудная, сонная боль,
и в троллейбусе спит, потя, мужчина
в оранжевой спецовке на черные кружева;
обсуждают традицию бить легко отвинчиваемыми,
вездесущими шлангами от стиральных машин;
некто жалуется, что с оккупированной территории
отказались прислать копию его уголовного дела;
передают на проезд.

пригород, дым откупорен на всех полянках.
по краям высохших луж
зеленеет пыльца.
тянет вспоминать пересказанную бытовуху
с остановившимися взглядами, такую, что не отмоешься;
а когда-то непоправимой цельностью были расплетенные
косы,
дробь челки на ветру, смола на ладони;
серебряные мертвые сосны скуласты и растворены.

теплый ветер вдоль поднебесного
ровного слюдяного скола,
следы шин в грязи.

важна и способность клубники разваливаться
в аурке сладкого пара;
дернешь ягоду в очередной замкнутый механизм, муравьям
и смотришь в жидкую траву,
и смотришь.

В сторону

*Nothing lets up or develops.
And this is neither a bad variant nor a tryout.
This is where the staring angels go through.*

Ted Hughes

легкоключичный март во много солнц
медпункт
крест из скотча на ситилайте
курящая смена у дверей
внутри кое-где топорщились стены коробок
медпрепаратов
и было много перегородок
были небольшие очереди
в столовой разливали например гречневый суп
мазали бутерброды с вареньем
осматривали врачи разных профессий

однажды к неврологу пришли две женщины
дочь на первом курсе
закрытая травма трещина основания
уже отлежалась
вытаскивала раненых во время пожара в доме
профсоюзов
а ее парень не пошел струсил
и ударил за это когда вернулась
были небольшие очереди

началась оккупация
чтобы
или не чтобы
но мужчины хотели вернуться домой
хотели вернуться туда но
сначала получить медицинское заключение годен
другая невролог была очень старая
подолгу расспрашивала о симптомах
подробно писала заключение
задерживала мужчин
и они шумели за дверью
мятые высохшие как стебли гвоздик
охапками разложенные на солнце

**он поднес к моему лицу молодую самку гадюки,
позволив задохнуться
не от свежего, чистого запаха,
но от возможности знать.**

и стать, как я, глазницами.
пожалуйста, разрушайся иначе.

такие облака,
что тенями смывают с шеи
осторожные ручные прикосновения.

с того, с этого,
со всех завитков на затылке.

содержание

текст — узкая на запах...	3
Когда подвалы были пустыми	6
Таннины	15
Ботанический сад	18
Процент заповедности	20
<i>Symphyto cordati</i> -Fagenion	29
Эвтектика	32
В сторону	43
он поднес к моему лицу молодую самку гадюки...	45
и статья, как я, глазами...	46

Шевченко Александра

ШЗ7 Зимующи. – Днепр: Герда, 2021. – 48 с., серия «Тонкие линии».

ISBN 978-617-7639-67-0

Приведенные здесь тексты 2019–2021 гг. были написаны в двух городах при совпадении внешнего и внутреннего одиночеств. Эпиграфы – отсылки к стихотворению Теда Хьюза «Пиброх». Часть работы написания текстов и составления книги состояла в признании неожиданных сращений.

УДК 82-1

Літературно-художнє видання

Шевченко Олександра

ЗИМУЮЧИ

(російською мовою)

Упорядник серії «Тонкі лінії» Станіслав Бельський

Фото Олександри Шевченко

Дизайн обкладинки, макет та верстка Misheal_D

Формат 60x90/16. Папір офсетний. Гарнітура MetaCyrRoman

Друк цифровий. Ум. друк. арк. 3,2. Тираж 150 прим. Замовлення № 67/21

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №397 від 03.04.2001 р.

book-shop.in.ua

ISBN 978-617-7639-67-0

Поэтическая серия

«Тонкие линии»

Сергей Синоптик

«Нужное зачеркнуть»

2020

Максим Бородин

«Осторожно стекло»

2020

Ольга Брагина

«Речь похожа на карманный фонарик»

2020

Антон Полунин

«Does Marsellus Wallace look like a bitch?»

2020

Евгений Пивень

«Всегда хотел чтобы в конце огорода росло огромное дерево»

2020

Александра Мкртчян

«Испанская партия»

2021

Даниїл Задорожний

«Небезпечні форми близькості / опасные формы близости»

2021

Александра Шевченко

«Зимующи»

2021

